

УДК 811.161.1'366
ББК 81.411.2-20

ТИПОЛОГИЯ ПСЕВДОУНИВЕРБАЛИЗАЦИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Теркулов Вячеслав Исаевич

Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка
Донецкого национального университета
terkulov@rambler.ru
ул. Университетская, 24, 83001 г. Донецк, Украина

Аннотация. В статье рассматриваются особенности процесса псевдоунивербализации – образования словосочетания, эквивалентного сложному слову. Предлагается определение псевдоунивербализации, характеризуются типы псевдоунивербализационных преобразований и методики отграничения псевдоунивербатов от собственно универбатов.

Ключевые слова: деривация, квазикомпозит, композит, ономаσιологическая модель, псевдоунивербализация, универбализация.

Предлагаемая статья посвящена описанию ситуаций, когда не композит возникает на базе словосочетания, а наоборот, на базе уже сформировавшегося композита развертывается словосочетание, семантически и функционально ему тождественное. Например, слово *группорг* нельзя считать образованным от *групповой организатор*, поскольку словосочетания, на базе которых возникают композиты с элементом *-орг*, являющимся сокращением слова *организатор*, обозначают человека, работающего в определенной идеологической сфере / отрасли, как, например, *комсорг* (*комсомольский организатор*), *парторг* (*партийный организатор*), *профорг* (*профсоюзный организатор*) (ономаσιологическая модель «отрасль + агентивный статус»). Во всех приведенных случаях четко актуализируется идеологическая основа деятельности, то, с каких позиций, в каких рамках осуществляет свою деятельность организатор. *Группа* же – это указание не на идеологическую, а на количественную характеристику коллектива людей, в котором он работает. При этом *группорг* может выполнять в данном кол-

лективе разные «идеологические функции»: профсоюзного организатора (*профгруппорг*, например: *Кроме обязанностей профгруппорга, Вы активно действуете в жилищно-бытовой комиссии и многие сложные проблемы решаете положительно*), партийного организатора (*партгруппорг*, например: *Партгруппоргом нижевартовских депутатов-единороссов избран заместитель председателя Думы Фирдаус Галеев*) и т. д. Отметим, кстати, что и слова *партгруппорг* и *профгруппорг* тоже не могут трактоваться как образованные от словосочетаний *партийный группорг* и *профсоюзный группорг*. Скорее всего, в них комплекс *-орг* выполняет функции аффиксоида, а сами эти лексемы возникли аффиксоидальным способом на базе слов *партгруппа* (*Главной своей задачей на современном этапе жизни партгруппа и ее руководитель А.Н. Михальков ставят проведение разъяснительной работы среди работников шахты*) и *профгруппа* (*Профсоюзная группа работников ИрГТУ (далее – профгруппа) является структурным подразделением первичной профсоюзной организа-*

ции работников ИрГТУ), которые, в свою очередь, являются универбализационными эквивалентами словосочетаний *партийная группа* (*Я не думаю, что **партийная группа** НСНУ в Кабмине будет способна заявить субъектную, отдельную позицию, особенно в вопросах экономики*) и *профсоюзная группа* (см. пример выше). Однако, несмотря на очевидную неприемлемость трактовки слов *группорг*, *партгруппорг*, *профгруппорг* как универбальных эквивалентов словосочетаний *групповой организатор*, *партийный группорг* / *партийный групповой организатор* и *профсоюзный группорг* / *профсоюзный групповой организатор*, последние все же активно употребляются в речи: *Сам **партийный группорг** инициативен, вроде бы постоянно старался внести в деятельность партгруппы свежую, творческую струю; Надо сказать, что **партийный групповой организатор** совсем не интересуется ни мной как комсомольским группоргом, ни комсомольцами в нашей смене; Тихонова Г.В. – ткач, **профсоюзный группорг**, способна видеть проблемы и решать их; **Профсоюзный групповой организатор** (профгруппорг) избирается на общем собрании профгруппы открытым голосованием сроком на 2–3 года в соответствии с Уставом Профсоюза*. Примечательно, что в большинстве из приведенных примеров словосочетание *групповой организатор* расположено рядом с реальными производящими для указанных композитов (*партгруппа*, *профгруппа*).

Очевидно, что здесь перед нами явление генерирования словосочетания на базе композита. Это явление сродни редеривации, то есть приписыванию производному слову статуса производящего, отмечаемое, например, в случаях *дояр*, образованного от *доярка*, но трактуемого часто как источник для последнего; *зонт*, образованного от *зонтик*, но считающегося производящим в данной паре; и т. д. Мы называем это явление псевдоунивербализацией, поскольку продуцирование эквивалентного композиту словосочетания имитирует явление универбализации, о котором речь пойдет ниже.

Цель статьи состоит в описании базовых характеристик псевдоунивербализации, что

возможно только при условии решения следующих задач: определения структурно-семантической типологии композитов; установления того, как происходит псевдоунивербализация слов, относящихся к разным структурно-семантическим типам композитов; формирования методики отграничения псевдоунивербализации от реальной универбализации.

Нельзя сказать, что псевдоунивербализация (правда, обозначавшаяся другими терминами) никогда не рассматривалась учеными. Л.Ф. Каховская, например, писала: «Нюансы смысловых различий аббревиатур и словосочетаний влекут за собой **мнимую этимологию** (выделено нами. – В. Т.), когда активно существующая аббревиатура начинает расшифровываться на основе составляющих компонентов без учета ее собственного лексического значения (*детком* как *детский комитет*, а не как *комиссия по улучшению жизни детей*)» [3, с. 10]. Отметим еще и очень интересную диссертацию Н.С. Гриценко «Типы развертывания в словосочетания сложносuffixальных и аффиксоидных имен существительных в современном русском языке» [2]. Правда, нужно подчеркнуть, что факт формирования словосочетания на базе композита для Н.С. Гриценко является больше «процедурным» моментом, чем объектом самостоятельного изучения. По способности продуцировать такие словосочетания ученый отграничивает сложносuffixальные единицы от аффиксоидальных: «Если изучаемая единица представляет собой сложносuffixальное слово, то она развертывается в эквивалентное по структуре и смыслу словосочетание. Факт ослабленной или утраченной способности к развертыванию сигнализирует о приобретении компонентом инsuffixального производного новой функции – функции аффикса» [там же, с. 3]. Как видим, возможность развертывания слова в словосочетание трактуется здесь как критерий установления композитного статуса слова: «Существительные, не развертывающиеся в словосочетания, не являются сложными» [там же].

Следует отметить, что сам термин «развертывание», эквивалентный во многом нашему термину «псевдоунивербализация», в анализируемом исследовании достаточно противоречив. Н.С. Гриценко под ним понимает

«такое преобразование инсуффиксальных существительных в **семантически мотивирующие словосочетания** (выделено нами. – В. Т.), при котором обе основы, составляющие слово, оказываются эквивалентно представленными в структуре словосочетания» [2, с. 3]. Противоречие состоит в том, что связанному с композитом словосочетанию дается здесь одновременно два несовместимых статуса: статус источника словопроизводства (каузатор: «семантически мотивирующее словосочетание») и статус продукта развертывания композита (консеквент: результат «преобразования инсуффиксальных существительных»). Возникает вопрос: чем же все-таки является словосочетание, эквивалентное композиту, – реально производящей единицей или же искусственным «развертыванием» этого композита?

Наше исследование показало, что возможны обе эти ситуации, но они не могут быть наложены друг на друга и совмещены. Более того, различие каузаторного и консеквентного статуса словосочетаний по отношению к соответствующим им сложным словам указывает на различие типов композиции. Например, аббревиационный композит *автовладелец* не просто эквивалентен словосочетанию *владелец автомобиля*, но и возникает в результате его словесной трансформации (универбализации) (ср.: *Это довольно серьезное событие в мире автоэлектроники, так как появление GSM-сигнализаторов однозначно изменит привычный взгляд на возможности автосигнализаций по дистанционному оповещению автовладельца. – Предположим, владелец автомобиля, гуляя по магазинам, получил сообщение о нарушении охраняемого периметра*), поскольку в русском языке все словосочетания, обозначающие владельцев чего-либо, образованы по ономасиологической модели «субъект + possessiv» и формальной модели «Сущ1ед + Сущ2ед»: *владелец счета, владелец усадьбы, владелец квартиры* и т. д., – что и находит свое отражение в словосочетании *владелец автомобиля* и композите *автовладелец*.

С другой стороны, композит *воднолыжник* абсолютно не совпадает по значению с возникшим на его базе псевдоунивербатом *водный лыжник* (*Появились детали гибели*

ли водного лыжника на реке Ока), поскольку *воднолыжник* – это спортсмен, занимающийся воднолыжным спортом (ономасиологическая модель «субъект + отрасль»), или спортсмен, использующий водные лыжи (ономасиологическая модель «субъект + приспособление»), а не лыжник, который едет по воде (*водный лыжник*: ономасиологическая модель «субъект + локатив»). Поэтому мы и должны считать указанное слово либо сложноположенным дериватом от *воднолыжный*, либо композитным дериватом от *водные лыжи*. С точки зрения Н.С. Гриценко, и образование словосочетания *владелец автомобиля*, и образование словосочетания *водный лыжник* следует отнести к развертываниям, чего, на мой взгляд, делать нельзя, поскольку они отражают две разные модели соотношения «композит – словосочетание» – универбализационную (каузаторную), в соответствии с которой композиты создаются как функциональные эквиваленты словосочетаний (*владелец автомобиля – автовладелец*), и псевдоунивербализационную (консеквентную), в соответствии с которой словосочетания возникают как функциональные эквиваленты слов (*воднолыжник – водный лыжник*).

Наше исследование, учитывающее различие природы эквивалентности и неэквивалентности словосочетания и композита, привело нас к выводу о необходимости создания новой системы координат композитологии. Она базируется на двухъярусной классификации сложных слов с точки зрения их деривационно-ономасиологического статуса.

Первый ярус этой классификации констатирует различие **синтаксических композитов**, то есть сложных слов, образованных от словосочетаний и других синтаксических единиц, и **аналогических композитов (квази-композитов)**, то есть единиц, образованных по аналогии с синтаксическими композитами на базе не связанных в синтагме слов. Синтаксическими композитами считаем, например, *нефтепромыслы*, образованное от словосочетания *нефтяные промыслы*; *властолюбие*, возникшее на базе *любить власть*; и под. К аналогическим же относим, например, композиты *аэроразведка*, явно состоящий из двух конструкторов (*аэро* и *разведка*), но не имеющий в качестве источника никакого слово-

сочетания; *воздухоплавание*, возникший по модели деривационного композита *мореплавание* (от *плавать по морю*) путем замены его первого конструкта компонентом *воздухо-* (словосочетание *плавать по воздуху* вряд ли возможно трактовать не как синтаксическую интерпретацию (консеквент) слова *воздухоплавание*, а как источник (каузатор) для него) и т. д.

Второй ярус классификации предполагает разделение синтаксических и аналогических композитов на две подгруппы – универбализационные композиты и квазикомпозиты и деривационные композиты и квазикомпозиты соответственно.

Под универбализационными композитами мною понимаются сложные слова, возникшие как вербальные эквиваленты словосочетаний и вследствие этого функционально и семантически им тождественные, например: *газодобыча* (= *добыча газа*), *синеглазый* (= *с синими глазами*), *велостадион* (= *велосипедный стадион*), и т. д. Следует согласиться с мнением О.М. Сидоренко, что универбализация – «это не словообразовательный прием и не словообразовательное средство языка, а выражение тенденции к устранению разногласия между единством значения и расчлененностью формы лексической единицы, которое использует разные словообразовательные приемы» [4, с. 44].

Деривационными композитами я называю единицы, в семантику которых входит семантика базового словосочетания, соединенная с семантикой форманта, а в форму – особым образом сочлененные планы выражения конструктов словосочетания и форманта, например, *белобилетник* (< основа *белый* + интерфикс *o* + основа *билет* + формант *-ник*), *босоножка* (< основа *босые* + интерфикс *o* + основа *ноги* (чередование г//ж) + формант *-к(а)*), *рыболовство* (перестановка основ слов *ловить* + *рыбу* + интерфикс *o* + формант *-ство*) и т. п. В любом случае при композитной деривации словосочетание и образованное на его базе слово не являются семантически тождественными (*белобилетник* ≠ *белый билет*, *босоножка* ≠ *босые ноги* и т. д.).

Для уровня аналогических композитов (квазикомпозитов), вслед за О.В. Блюминой, констатируем различие двух типов квазиком-

позитостроения – с деривационной доминантой и универбализационной доминантой. В первом случае квазикомпозит имитирует конечную структуру деривационного композита. Например, квазикомпозит *моторостроение* образован от слова *мотор* при помощи аффиксоида *-строение* со значением «отрасль» как имитация структуры деривационных композитов *домостроение* (*строить дома* + формант *-ение*), *кораблестроение* (*строить корабли* + формант *-ение*) (семантическое несоответствие: моторы не строят – их собирают). Во втором же случае квазикомпозитостроение основано на аналогической имитации конечной структуры универбализационных композитов. Например, квазикомпозит *иглотерапия* возник как имитация структуры универбализационных композитов *музыкотерапия*, являющегося дублетом коллокации *музыкальная терапия*; *химиотерапия* – дублета *химической терапии* и т. д. [1, с. 41] (словосочетание **игольная терапия* нами не отмечается ни в поисковых системах, ни в Национальном корпусе русского языка).

Общей языковой тенденцией является стремление носителей языка интерпретировать любой композит как универбализационный синтаксический, то есть создать для него абсолютно эквивалентное по семантике и функциям словосочетание. Это отмечается для всех типов неунивербализационных сложных слов.

1. Преобразование «деривационный композит» – «псевдоунивербализационный композит». Словосочетание *черпание земли* возникает, по нашему мнению, как интерпретация деривационного композита *землечерпание* (*При преодолении рва или стенки происходило утыкание ствола орудия в землю, или черпание земли ствол орудия*). В Интернете данное словосочетание отмечается не более 50 раз в текстах с явно разговорной отнесенностью. Это и позволяет нам предположить, что данное словосочетание произведено от композита, возникшего деривационным способом на базе словосочетания *черпать землю* (1 020 употреблений).

2. Преобразование «деривационный квазикомпозит» – «псевдоунивербализационный композит». Деривационный композит *домостроение*, образованный от словосочетания *строить дома*, спровоцировал образование

деривационного квазикомпозита *блюминго-строение*, на базе которого возникло псевдоэквивалентное словосочетание *строение блюмингов* (*Через пяток лет рабочим уже не придётся тратить свои силы на **строение блюмингов** голыми руками*). Однако слово *строение* не является синонимом слова *строительство*, поскольку имеет значение либо «здание, постройка» (*бревенчатое строение*), либо «взаимное расположение частей, частиц в составе чего-л.; внутреннее устройство чего-л.; структура» (*строение тела*). Ни то, ни другое значение не обнаруживаются у словосочетания *строение блюмингов*, интерпретируемого как «отрасль металлургической промышленности, занимающаяся строительством прокатных станков для обжата стальных слитков в блюмы (стальные заготовки квадратного сечения)», что и позволяет нам считать его производным от композита *блюминго-строение* (мы не можем считать данный композит и деривационным, поскольку словосочетание *строить блюминги* отмечается в поисковых системах достаточно редко, что также свидетельствует о его вторичности по отношению к композиту).

3. Преобразование «универбализационный квазикомпозит» – «псевдоунивербализационный композит». Универбализационный квазикомпозит *авиапассажир* возник не на базе словосочетания *авиационный пассажир* (хотя это словосочетание достаточно часто встречается в речи: *Каждый **авиационный пассажир**, пользуясь услугами гражданской авиации, должен быть абсолютно уверен, что авиакомпания, с одной стороны, и аэропорт – с другой, обеспечат его безопасный полет*), поскольку он является не пассажиром авиации, а пассажиром самолета. Это искусственное образование, созданное путем сочленения конструкторов *авиа* (имя отрасли) и *пассажир*, а словосочетание *авиационный пассажир* – это результат развертывания квазикомпозита.

Помимо указанных случаев, часто отмечаются также ситуации вторичной универбализации, когда универбализационный композит по той или иной причине получает в текстах новый синтаксический эквивалент. Например, композит *автоклуб* образован как эквивалент словосочетания *клуб автолюбителей*

(*В Краснодаре действует порядка 17 крупных **автоклубов**. – Местные клубы автолюбителей существуют на «голом» энтузиазме*). Это подтверждается тем, что в русском языке словосочетания, обозначающие типы клубов, образованы по ономаσιологической модели «организация + участники» и формальной модели «Сущ1ед + Сущ2мн»: *клуб филателистов, клуб ветеранов, клуб путешественников*. Однако в последнее время в речи все чаще употребляется новый эквивалент указанного композита – *автомобильный клуб*, возникший в результате прямой расшифровки слова *автоклуб* по модели универбализационных пар *автоконтэйнер – автомобильный контейнер, автокран – автомобильный кран* и под. (см.: *Популярный российский автомобильный клуб, известный своими многочисленными акциями, в том числе и выборами одноименной мисс, решил отметить 70-летие описанного Ильфом и Петровым пробега по бездорожью и разгильдяйству заездом от Москвы от Красноярска*). Такую расшифровку трудно признать удачной, поскольку ее трансформация в конструкцию с генеративом дает **клуб автомобилей*, что не накладывается на значение композита *автоклуб* «клуб, объединяющий любителей автодела или автоспорта».

Формирование псевдоисходных словосочетаний является причиной появления ситуаций неединичной композитной мотивации. Необходимо определить методики отграничения мнимой, псевдоунивербализационной мотивации от реальной.

Традиционно современной лингвистикой используются формальные методики определения исходной (производящей) единицы. Считается, что мотивирующим является то слово, которое, во-первых, вписывается в регулярную словообразовательную модель, а во-вторых, имеет меньше всего отличий в формальной структуре от мотивированной. Например, слово *идолопоклонство* традиционно считается производным от *идолопоклонник*, а не от *поклоняться идолам*, поскольку, во-первых, именно от агентивных наименований образовано большинство наименований на *-ство*, например *земляк – землячество, человек – человечество* и т. д. (регулярная словообразовательная модель «ОснСущ (агент)

+ [-ство]»), а во-вторых, *идолопоклонство* формально ближе к *идолопоклоннику*, а не к *поклоняться идолам*.

Наше определение статуса исходного словосочетания имеет семантическую основу: для установления мотивационных отношений между номинатами главной характеристикой должна быть не формальная, а семантическая взаимосвязанность исходной и конечной единиц. Поэтому при описании мотивационных отношений главным принципом должен быть признан принцип семантической выводимости производного слова из производящего.

Если говорить об *идолопоклонстве*, то именно этот принцип является основанием для определения указанной единицы не как сложнопроизводной номинатемы, а как деривационного композита. Наличие форманта *-ство* не всегда свидетельствует об отагентивном происхождении номинатемы. Например, в нашем словнике отмечаются композиты *шелкоткачество*, *авиастроительство*, *жилстроительство* и под., которые трудно определить как сложнопроизводные от **шелкоткач*, *авиастроитель*, **жилстроитель* и т. д. **Шелкоткач* и **жилстроитель* вообще немислимы в языке, а *авиастроитель* скорее образовано от *авиастроительство*, а не наоборот. Отагентивные образования, по свидетельству «Словаря служебных морфем русского языка» [5, с. 109–110], имеют либо значение собирательности (*студенчество*, *ученичество*), что требовало бы от рассматриваемых нами единиц (*идолопоклонство* и *авиастроительство*) значений, соответственно, «совокупность идолопоклонников» и «совокупность авиастроителей», либо значение «свойство людей» («быть как», «быть кем-то» – *актерство*, *иждивенчество*), что требовало бы от рассматриваемых нами единиц значений «быть как идолопоклонник» и «быть как авиастроитель». Ни то, ни другое значение не присутствуют в семантике композитов *идолопоклонство* и *авиастроительство*, но у них есть значение отвлеченного действия, которое по свидетельству уже упомянутого словаря морфем присуще именно отглагольным образованиям (*баловство*, *руководство*). Поэтому мы считаем указанные номинатемы либо дериватами от глагольных словосочетаний: *поклоняться идолам* – *идоло-*

поклонство, либо квазикомпозитами универбализационного типа от отглагольных имен: *авиастроительство* – *строительство* (аффиксоид *авиа-*).

Принцип семантической интерпретации мотивационной связи «словосочетание – композит» предполагает использование четырех базовых методик определения реляционной взаимообусловленности компонентов композитной пары.

1. Соответствие модели образования сложного слова регулярной ономаσιологической модели

Мы считаем универбализационным тот композит, который создан по регулярной ономаσιологической модели, то есть имеет тот же ономаσιологический базис и ономаσιологический признак, что и все другие компоненты данного ономаσιологического подкласса. В тех случаях, когда соотносимое с композитом словосочетание реализует ономаσιологическую модель, отличную от ономаσιологической модели подкласса, перед нами ситуация псевдоунивербализации. Например, для композита *иммунотерапия* в ряде текстов предлагается эквивалентное словосочетание *иммунная терапия* (*В таких случаях иммунная терапия может если не заменить стандартную, то, во всяком случае, расширить спектр инструментов*). Формальная взаимосвязанность указанных единиц очевидна. Однако семантически они нетождественны, поскольку приведенное словосочетание не подпадает под ономаσιологическую модель композитов с компонентом *терапия* – «процедура + медиатив», например, *музыкотерапия* – *терапия при помощи музыки* (*музыкальная терапия*), *трудотерапия* – *терапия при помощи труда* (*трудова терапия*) и т. д. Прилагательное же *иммунный* отсылает нас к иммунной системе, что дает возможность интерпретировать указанное словосочетание как *терапия иммунной системы* – модель «процедура + пациентив», выпадающее из общего «списка терапевтических наименований». Это свидетельствует о неправильной интерпретации композита словосочетанием. Неправильность подтверждается словарной дефиницией композита *иммунотерапия*, который толкуется как «лечение инфекционных больных иммунологическими

препаратами». Иначе говоря, производящим словосочетанием здесь должно было быть не *иммунная терапия*, а *иммунологическая терапия*, которое и соответствует схеме «процедура + медиатив», но практически не встречается в Интернете (менее 400 упоминаний в поисковой системе Yandex, в то время как *иммунотерапия* отмечается свыше 106 тысяч раз). Именно поэтому мы считаем *иммунотерапию* квазикомпозитом, созданным путем сочленения конструкторов *иммуно-*, выступающего в качестве префиксоида, и *терапия*, выступающего в качестве производящего слова, а словосочетание *иммунная терапия* – псевдоунивербализационным словосочетанием, возникшим на базе квазикомпозита.

2. Соответствие значений компонентов исходного словосочетания значениям конструкторов сложного слова

Мы считаем эквивалентным композиту то словосочетание, которое не искажает значений конструкторов сложного слова. Например, эквивалентом квазикомпозита *парафинотерапия* считается словосочетание *парафиновая терапия* (*Парафиновую терапию проводят в салонах красоты, но ее можно сделать и дома*). Здесь реализуется приведенная выше модель «процедура + медиатив»: *парафиновая терапия* – «терапия при помощи парафина». Однако ни в одном из толковых словарей у прилагательного *парафиновый* не отмечается медиативного значения. Его значение толкуется либо как «содержащий в себе парафин», либо как «приготовленный из парафина». Если интерпретировать через указанные значения словосочетание *парафиновая терапия*, получится либо *«терапия, содержащая в себе парафин», либо *«терапия, приготовленная из парафина», что, согласитесь, абсурдно. По-видимому, образование композита *парафинотерапия* осуществлялось квазикомпозитным способом путем заполнения прогнозируемых ономаσιологической моделью позиций процедуры и медиатива. На основе получившегося композита возникло словосочетание, приписывающее новое значение атрибуту. Вполне возможно, что это новое значение в будущем разовьется у прилагательного *парафиновый*. Но словосочетание *парафиновая терапия* станет источником для такого развития, а не его результатом.

3. Стилиевая точность производящего словосочетания

Источником для композита мы считаем то словосочетание, которое употребляется в том же функциональном стиле, что и сам композит. Например, для композита *электроснабжение* в ряде текстов отмечается как эквивалентное словосочетание *снабжение электричеством*: *Одесская область отказывается от снабжения электричеством через Молдову*. Однако в официальных текстах энергетиков (деловой стиль), для которых, собственно, и создавался термин *электроснабжение*, эквивалентом ему является словосочетание *снабжение электроэнергией*: *Услуги по снабжению электроэнергией физических лиц и предприятий; Предмет и форма договора снабжения электроэнергией* и т. д. Словосочетание же *снабжение электричеством* отмечается либо в чатовых разговорных текстах, либо в неспециальной публицистике. Именно поэтому мы и определяем источником для термина *электроснабжение* не словосочетание *снабжение электричеством*, а *снабжение электроэнергией*.

4. Квантитативная эквивалентность употребления словосочетания и композита

Кроме указанных семантических принципов анализа, следует ввести в методику определения эквивалентности слова и словосочетания еще и квантитативный принцип. Можно предположить, что исходное для универбализации словосочетание не может не встречаться в текстах регулярно. Правда, обратное неверно: не всегда регулярность употребления словосочетания свидетельствует в пользу универбализации. Например, словосочетание *велосипедный компьютер* отмечается в поисковой системе Yandex 12 тысяч раз только в форме именительного-винительного падежа. Однако это еще не свидетельство того, что именно оно было эквивалентным источником для композита *велокомпьютер*, поскольку часто псевдопроизводящие словосочетания могут активно употребляться в речи. Например, словосочетание *авиационная модель*, которое семантически не могло быть эквивалентным источником для слова *авиамодел* (так как последнее обозна-

чает не «модель авиации», а «модель самолета»), отмечается в поисковой системе Yandex 1 тысячу раз только в форме именительного-винительного падежа. Такую представленность слова *авиа модель*, конечно же, нельзя считать свидетельством в пользу того, что оно является источником универбализации, поскольку это противоречит принципу соответствия модели образования сложного слова регулярной ономаσιологической модели (обычная ономаσιологическая структура словосочетаний, содержащих компонент «модель», – «устройство + эталон (коррелятив)»: *модель автомобиля, модель судна* и т. д.). Однако в том случае, если эквивалентное композиту словосочетание имеет очень низкий индекс упоминания в поисковых системах, оно однозначно трактуется нами как возникшее в результате псевдоунивербализации. Например, если словосочетание *мелиорация леса* встречается в поисковых системах только 28 раз, это свидетельствует о его зарождении на базе слова *лесомелиорация*, которое отмечается более 6 тысяч раз, а не наоборот.

Приведенные размышления являются первым подходом к установлению новых принципов описания мотивационных связей между словосочетанием и композитом и оп-

ределению явления псевдоунивербализации. Они требуют более подробного описания, что и является задачей наших готовящихся к изданию работ – монографии «Композитология русского языка» и «Словаря универбализационных композитов русского языка».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блюмина, О. В. Субстантивные композиты со значением процессуальности в русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Блюмина Ольга Валентиновна. – Горловка, 2011. – 341 с.
2. Гриценко, Н. С. Типы развертывания в словосочетаниях сложносuffixальных и affixoidных имен существительных в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Гриценко Наталия Станиславовна. – Елец, 1998. – 19 с.
3. Каховская, Л. Ф. Аббревиация как способ словообразования : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Каховская Л. Ф. – Минск, 1980. – 22 с.
4. Сидоренко, О. М. Про поняття універбізації в сучасному слов'янському мовознавстві / О. М. Сидоренко // Мовознавство. – 1992. – № 4. – С. 42–47.
5. Цыганенко, Г. П. Словарь служебных морфем русского языка / Г. П. Цыганенко. – К. : Рад. шк., 1982. – 240 с.

TPOLOGY OF PSEUDO-UNIVERBALIZATION IN RUSSIAN LANGUAGE

Terkulov Vyacheslav Isaevich

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of Department of Russian Language,
Donetsk National University
terkulov@rambler.ru
Universitetskaya St., 24, 83001 Donetsk, Ukraine

Abstract. The article deals with the peculiarities of pseudo-univerbalization as the process of formation of the word-combination representing an equivalent of a compound word. The author gives the definition of *pseudo-univerbalization* concept, describes the types of its transformations and methods of distinguishing the *pseudo-univerbats* from the *univerbats*.

Key words: derivation, quasicomposite, composite, onomasiological model, pseudo-univerbalization, univerbalization.